

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РАН

ГЕОГРАФИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

ВЫПУСК 3

Сборник научных трудов

Под редакцией Л.М.Синцерова

Товарищество научных изданий КМК

Москва ♦ 2016

НАСЕЛЕНИЕ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

А.Г. Вишневский, Р.В. Дмитриев

В демографической истории человечества XX и XXI вв. занимают особое, неповторимое место. За XX столетие население нашей планеты увеличилось в четыре раза – больше, чем за все предшествующие тысячелетия человеческой истории, и этот рост продолжается и в нынешнем столетии. К началу XXI в. население мира превысило 6 млрд человек, в 2011 г. перешагнуло рубеж 7 млрд, а к концу века, согласно прогнозу ООН, может достичь 10–11 млрд. После этого рост населения, скорее всего, прекратится.

Огромный рост населения – лишь одно из ряда небывалых по своей глубине и последствиям демографических изменений, объединяемых понятием «демографическая революция», или «демографический переход». Впервые за время существования человека, в результате накопившихся исторических перемен, изменилась репродуктивная стратегия вида *Homo Sapiens*, что оказало огромное влияние на экономические, социальные и политические процессы во всех уголках Земного шара.

Кардинальные демографические перемены назревали, по меньшей мере, с конца XVIII в., весь XIX в. сыграл роль подготовительного этапа к основным событиям, которым предстояло разыграться в XX и XXI столетиях.

Переход к новой эпидемиологической модели и удлинение человеческой жизни

Роль пускового механизма, инициировавшего демографическую революцию, сыграло небывалое снижение смертности.

С глубокой древности люди знали, что предельный срок человеческой жизни равен примерно 120 годам. Это представление отражено, в частности, в Ветхом завете («И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет». – Быт. 6,3). Однако достигали этого предела лишь очень немногие, уделом большинства была ранняя смертность: поколения родившихся вымирали очень быстро, и на протяжении истории такой тип вымирания поколений сохранялся почти без изменений. Он был предопределен эпидемиологией заболеваний и причин смерти, которая мало менялась на протяжении тысячелетий. Даже в спокойные некризисные годы, когда не было эпидемий, войн или вспышек голода, большинство людей умирало от причин, обрывавших жизнь в относительно молодом, особенно часто детском, возрасте от инфекционных, простудных или желудочных заболеваний, а также от разных форм насилия. Такая эпидемиологическая модель воспринималась общественным сознанием как единственно возможная, была неотделима от всего образа жизни доиндустриальных обществ, определялась их бедностью, техно-

логической слабостью, отсутствием научных знаний о природе болезней и способах их лечения. Человеческая жизнь ценилась очень низко. Отдельные люди доживали до глубокой старости, но средняя продолжительность жизни редко достигала 35 лет.

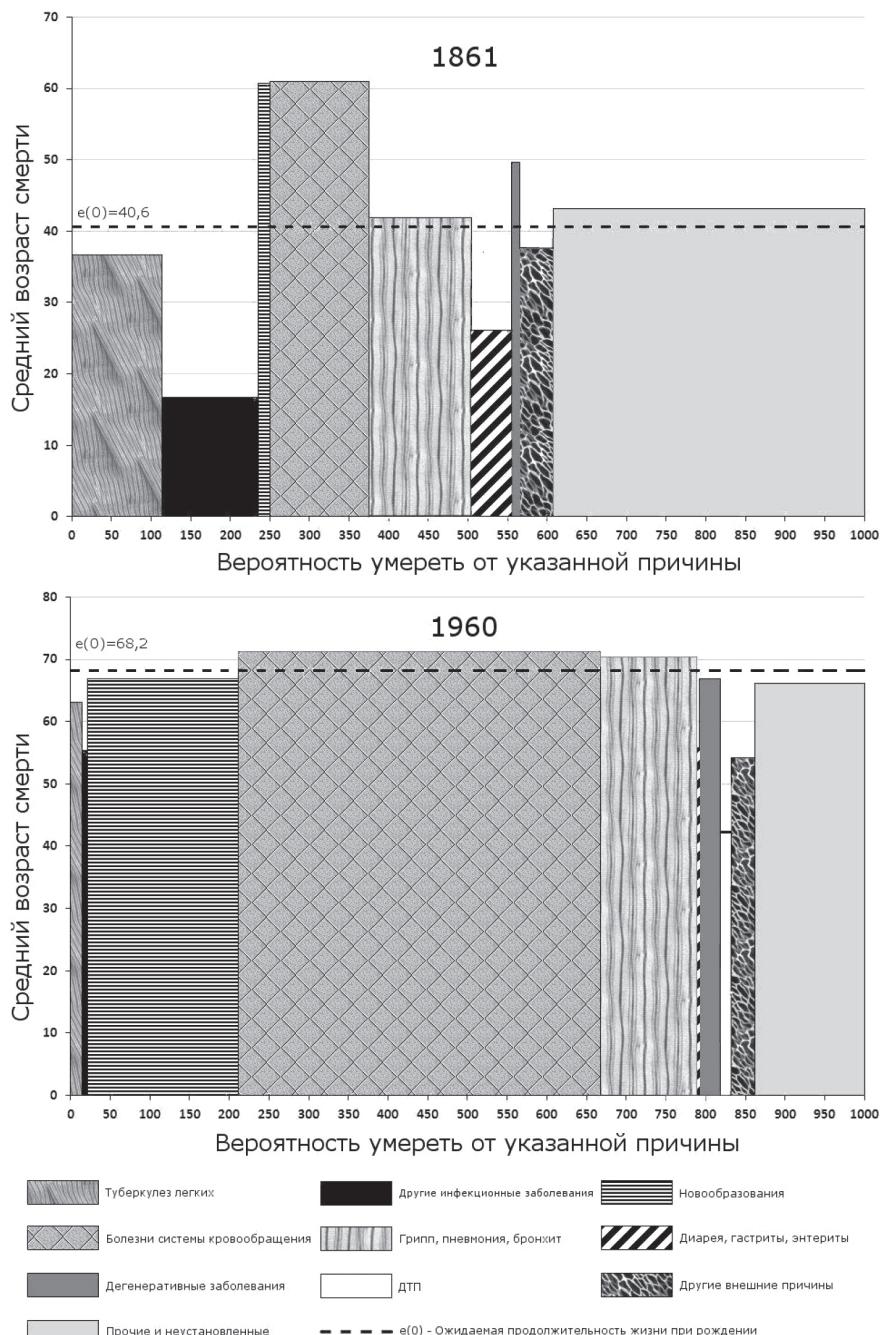
Лишь в XIX в. в результате промышленной революции, роста городов, развития естественно-научного знания и основанной на нем новой медицины возникли предпосылки для установления эффективного контроля над ключевыми факторами смертности. Социальным ответом на новые возможности стало создание систем здравоохранения, целью которых стала охрана здоровья населения. Все это сделало возможным переход к совершенно новой эпидемиологической модели – он начался во второй половине XIX в. и резко ускорился в XX в. Результаты, достигнутые уже к 1960-м гг., дают основания говорить о подлинной эпидемиологической революции, которая коренным образом изменила модель заболеваемости и смертности.

Различия старой и новой эпидемиологических моделей хорошо видны на примере Англии и Уэльса, где имеются самые ранние данные о смертности по причинам смерти на национальном уровне (Рис. 1). Коренным образом изменилось как распределение умерших по крупным классам причин смерти, так и средний возраст смерти от причин каждого класса. В результате резко увеличилось совокупное время, проживаемое каждым поколением родившихся (ему соответствует сумма закрашенных площадей на графике), и соответственно, в 1,7 раза выросла ожидаемая продолжительность жизни – с 40,6 до 68,2 года.

Эпидемиологическая модель 1861 г. предопределяла тогдашнюю продолжительность жизни – уже не средневековую, но все же очень низкую. Насколько можно судить по Швеции, имеющей самую раннюю систематическую статистику продолжительности жизни (Рис. 2), устойчивый рост этого показателя в наиболее благополучных европейских странах начался в первые десятилетия XIX в. Ситуация в Англии и Уэльсе в 1861 г. также свидетельствовала о наблюдавшемся росте. Он продолжался до конца XIX столетия, но был довольно медленным и никак не предвещал того огромного скачка, который произошел в XX в. и стал результатом стремительного перехода к новой эпидемиологической модели.

Этот переход не завершился и в 1960 г., хотя и приобрел новые черты. Смертность от наиболее опасных в прошлом, но оказавшихся устранимыми инфекционных, желудочных и простудных заболеваний к этому времени была сведена к минимуму, дальнейшие возможности ее сокращения были почти исчерпаны. Начался второй этап эпидемиологической революции («вторая эпидемиологическая революция») – оттеснение к более поздним возрастам заболеваемости неинфекционными хроническими и дегенеративными заболеваниями и смертности от них и, одновременно, сокращение смертности от внешних причин, что обусловило новый скачок продолжительности жизни, хотя и не столь большой, как на предыдущем этапе.

Несмотря на две мировые войны, за первые шесть десятилетий XX в. ожидаемая продолжительность жизни в промышленно развитых странах, в том числе и в тех, на территории которых проходили боевые действия, выросла на 20 и более лет, особенно большим был прирост продолжительности жизни женщин (Рис. 2). «Вторая эпидемиологическая революция» в течение последней трети XX в. (она продолжается и в XXI в.) принесла меньший, но тоже значительный прирост продолжительности жизни (Рис. 3).

Рис. 1. Две эпидемиологические модели смертности мужского населения Англии и Уэльса: 1861 г. и 1960 г.

Составлено по: [25].

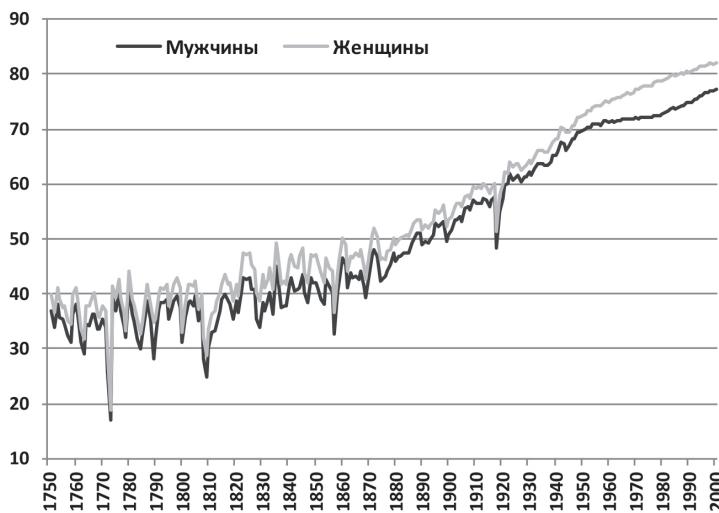

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Швеции, лет.

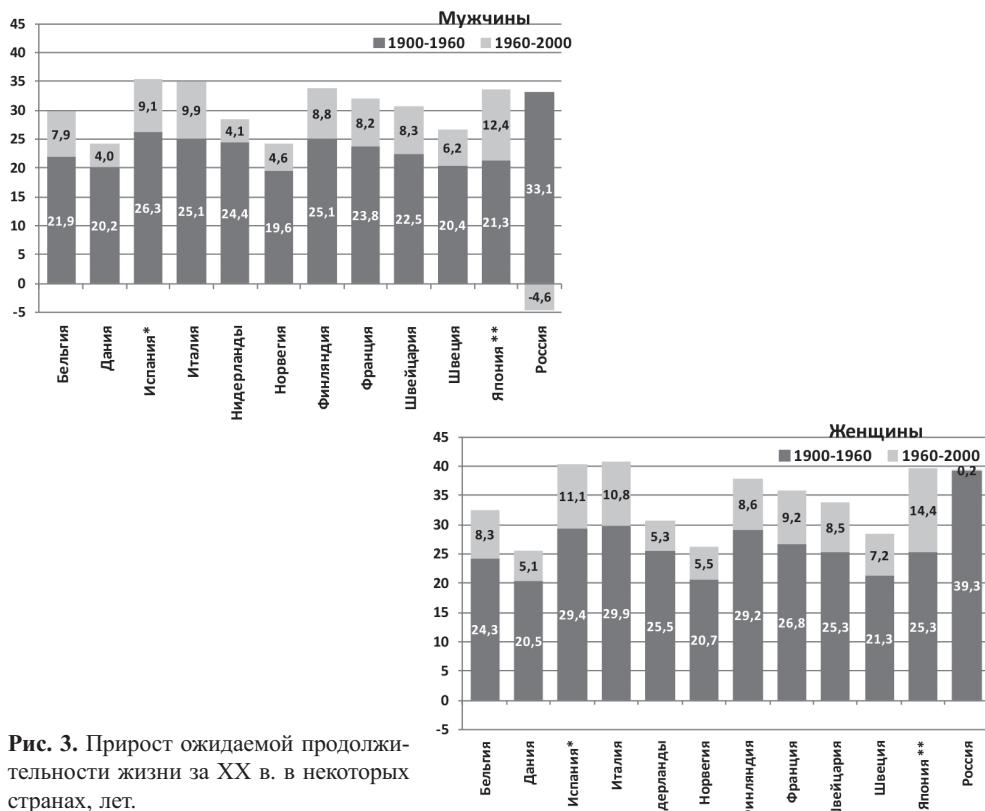

Рис. 3. Прирост ожидаемой продолжительности жизни за XX в. в некоторых странах, лет.

* с 1908 г.; ** с 1901 г.

В целом с начала XX в. продолжительность жизни населения промышленно развитых стран выросла на десятки лет. Если в его начале в мире было считаное число стран-рекордсменов, в которых продолжительность жизни мужчин едва достигала 50, а женщин – 55 лет, то к началу XXI в. во многих странах продолжительность жизни мужчин превысила 75, а женщин – 80 лет. Этот необыкновенный, невиданный рост продолжительности человеческой жизни стал едва ли не главным достижением XX столетия.

Европейские и некоторые заокеанские страны европейского заселения сыграли роль лаборатории, в которой вырабатывались и опробовались медицинские инструменты и социальные механизмы снижения смертности, и они первыми ощутили его небывалые результаты. К середине XX в. европейские достижения только начали проникать в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. В начале 1950-х гг. показатели ожидаемой продолжительности жизни населения этих регионов, в среднем, были примерно такими, как в Европе в конце XIX в., накануне вступления в активную fazу эпидемиологической революции.

Бедность и необразованность населения развивающегося мира, слабость современных социальных институтов, сильное влияние традиционализма были и остаются серьезным препятствием для успешного разворачивания этой революции на Глобальном Юге. Но, с другой стороны, эта революция облегчалась здесь возможностью заимствовать научные и организационные наработки «европейской лаборатории» в готовом виде, чему в немалой степени способствовали общие процессы глобализации, а также целенаправленные усилия международных организаций, прежде всего Всемирной организации здравоохранения.

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в макрорегионах мира и в некоторых крупнейших развивающихся странах, лет

	Мужчины			Женщины		
	1950–1955	2000–2005	2010–2015	1950–1955	2000–2005	2010–2015
<i>Весь мир</i>	45,36	64,92	68,29	48,32	69,24	72,74
Азия	41,29	66,90	69,71	42,99	70,22	73,55
Африка	36,19	52,18	58,17	38,53	54,38	60,91
Европа	60,89	69,56	73,44	66,05	78,04	80,56
Латинская Америка	49,56	68,81	71,22	52,98	75,58	77,93
Северная Америка	65,81	74,75	76,78	71,65	79,93	81,50
Океания	58,11	72,64	75,28	63,04	77,67	79,70
<i>Некоторые крупные страны</i>						
Бангладеш	40,28	66,17	69,85	41,07	67,31	72,26
Бразилия	49,09	67,30	70,29	52,58	74,98	77,86
Индия	37,22	62,74	66,13	36,00	64,46	68,93
Индонезия	42,00	64,87	66,61	45,04	68,54	70,70
Китай (без Сянгана и Аомыня)	42,11	71,39	73,97	44,84	74,44	77,02
Мексика	48,92	72,43	74,04	52,54	77,36	78,93
Нигерия	32,72	46,89	51,97	35,37	47,79	52,61
Пакистан	36,71	62,54	64,99	37,44	64,26	66,84

Источник: [31].

В настоящее время как для мира в целом, так и для большинства его макрорегионов ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов составляет более 70 лет, исключение составляет лишь Африка, где этот показатель не достигает даже 60 лет. В Азии же и в Латинской Америке, как следует из табл. 1, эпидемиологическая революция продвинулась достаточно далеко и показатели смертности резко и, скорее всего, необратимо оторвались от их тысячелетнего традиционного уровня.

Территориальные различия внутри макрорегионов в рамках стран свидетельствуют о еще большем разбросе значений данного показателя. Так, в самой населенной стране Черного континента – Нигерии – он еще ниже – лишь около 52 лет. И если Китай в этом отношении уже напоминает скорее развитые государства, то потенциальный лидер мирового списка наиболее населенных стран мира – Индия – пока еще не достигает даже среднемировых значений (чем походит на Россию).

Изменение ожидаемой продолжительности жизни: случай Индии

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) в Индии за период XX – начала XXI вв. характеризуется достаточно равномерным ростом с 22,9 года в начале прошлого столетия до 68,4 года в 2013 г.* [17, 23]. Исключением служит временной интервал 1911–1921 гг., когда по состоянию на критический момент третьей переписи Индии XX в. было зафиксировано снижение значений ОПЖ. Причиной последнего послужило резкое увеличение смертности из-за многочисленных эпидемий, бушевавших в стране во второй половине 1910-х гг., повлекшее снижение численности населения Индии (в современных границах) – в первый и в последний раз за всю историю проведения переписей населения страны, начиная с 1867–1876 гг.

Половая дифференциация показателя ОПЖ в Индии представляет значительно больший интерес для исследователей. Действительно, традиционное для большинства стран мира превышение значений ОПЖ женщин по отношению к мужчинам на протяжении почти 60 лет (с 1921 по 1980 гг.) в Индии не наблюдалось. Помимо прочего, этот парадокс может быть объяснен традиционно более низким социальным статусом женщины в индийском обществе (об особенностях половой структуры населения Индии см. подробнее [5]).

Дифференциация ОПЖ по типам поселений характеризуется за последние 25 лет (с 1988 по 2013 гг.) наличием 15–20-летнего среднего временного лага между достижением соответствующих показателей городами и сельской местностью. Так, если в 1989 г. значение ОПЖ при рождении в городах составляло 63,8 года, то села достигли этого уровня лишь к 2005 г.; ОПЖ, равная 64,9 года, была характерна для сельской местности в 2008 г., в то время как города перешли этот рубеж еще в 1991 г. [18].

Начиная со времени обретения Индией независимости, наблюдается постепенное замедление темпов прироста ОПЖ при рождении с почти однолетних ежегодных абсолютных значений в середине XX в. до 0,3–0,4 года с конца 1980-х гг. (Рис. 4).

Национальная политика в области народонаселения, принятая в Индии в 2000 г. во время премьерства А.Б. Ваджпаи – представителя партии «индустриального национализма» Бхаратия джаната партии, не содержала прямого указания на увеличение ОПЖ. В то

* Здесь и далее – согласно данным переписей и текущего учета.

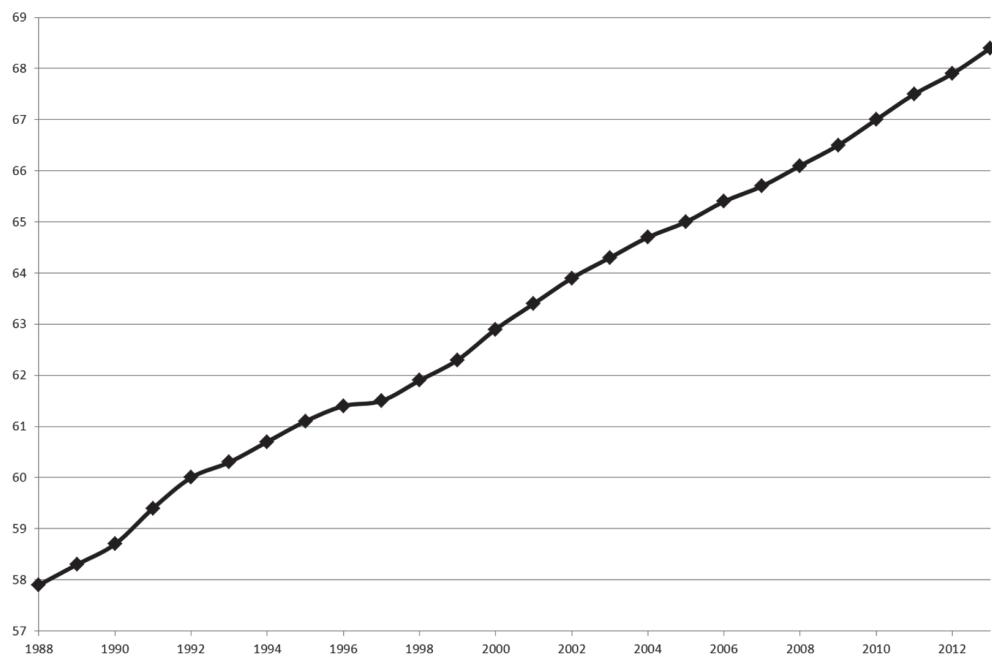

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет) в Индии в 1988–2013 гг.
Составлено по: [17, 18, 23].

же время за 10 лет реализации мер политики в области народонаселения этот показатель увеличивался, в т.ч. и по отдельным возрастным группам. Однако все более явной становится тенденция замедления темпов прироста интервальной продолжительность населения Индии в трудоспособном возрасте (15–64 лет) как для новорожденных, так и для достигших начала всех соответствующих возрастных интервалов (Табл. 2). Важным

Таблица 2. Интервальная продолжительность жизни населения Индии
в трудоспособном возрасте, лет

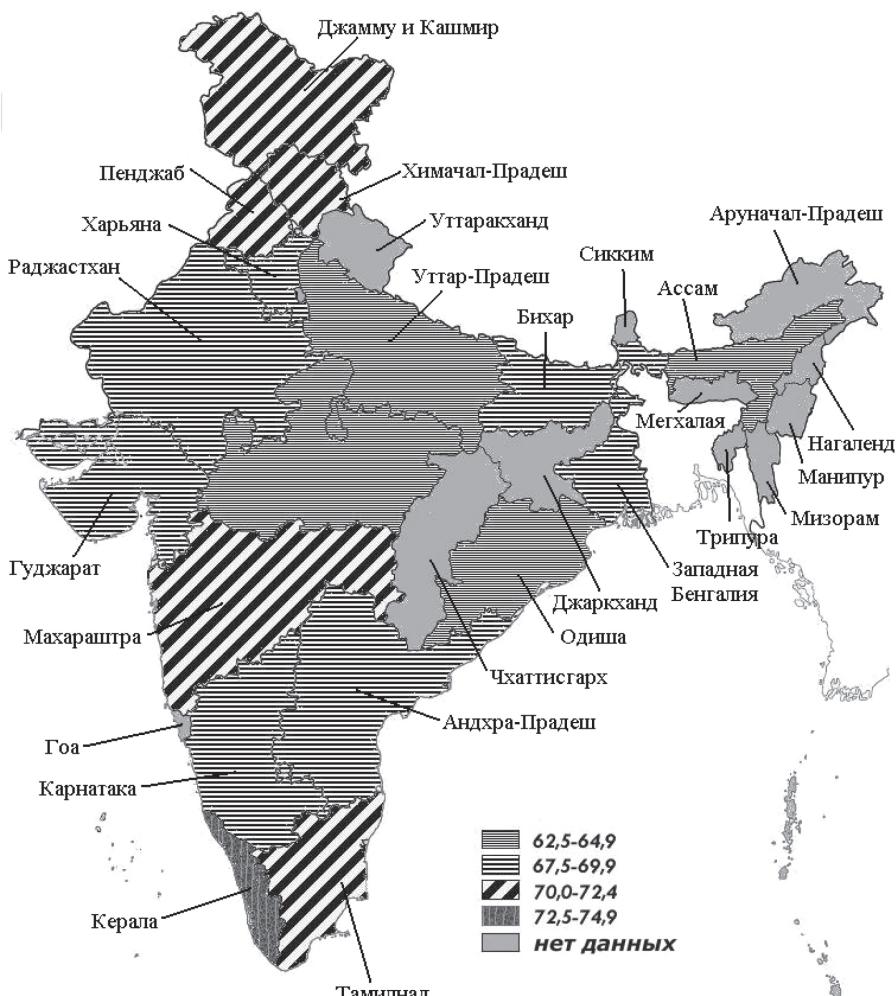
Возраст	Для новорожденных			Для достигших начала соответствующего возрастного интервала		
	2001	2006	2011	2001	2006	2011
15–19	40,93	42,09	43,33	45,53	46,02	46,36
20–24	36,45	37,53	38,67	40,90	41,35	41,63
25–29	32,02	33,02	34,05	36,34	36,75	36,97
30–34	27,65	28,55	29,46	31,80	32,12	32,30
35–39	23,33	24,13	24,93	27,22	27,52	27,63
40–44	19,08	19,78	20,45	22,68	22,93	23,01
45–49	14,92	15,51	16,05	18,14	18,30	18,41
50–54	10,87	11,34	11,75	13,65	13,85	13,87
55–59	6,98	7,32	7,59	9,21	9,31	9,35
60–64	3,32	3,51	3,65	4,74	4,76	4,78

Составлено по: [17, 18].

сигналом для руководства страны должен стать практически нулевой прирост ОПЖ для самой старшей пятилетней группы в трудоспособном возрасте. Если правительством страны не будут приняты соответствующие меры, то в ближайшем будущем можно ожидать снижения ОПЖ в трудоспособном возрасте, которое, начавшись в старших возрастах этого интервала, может «перекинуться» и на более молодые возраста.

Дифференциация ОПЖ по штатам Индии имеет достаточно существенный разброс – более 10 лет: от 63,3 года в Ассаме до 74,8 лет в Керале (Рис. 5).

Традиционно более высокие показатели (выше 70 лет в 2011 г.) ОПЖ характерны для более экономически развитых штатов Южного (Керала и Тамилнад), Западного (Махараштра) и Северо-западного (Пенджаб) экономических районов, мусульманского Джамму

Рис. 5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в штатах Индии, лет (2011 г.)
Источник: составлено авторами по [17].

и Кашмира и «зажатого» между двумя последними Химачал-Прадеша. Следующую группу штатов образуют «середники» – участки Восточного (Западная Бенгалия и Бихар), Северо-западного (Раджастан и Харьяна), Западного (Гуджарат) и Южного (Карнатака и Андхра-Прадеш) экономических районов. Далее следует «пропасть» в виде интервала в 2,5 года: ни один штат страны не входит в эту группу. И, наконец, группу «аутсайдеров» образуют четыре штата с большой численностью населения (и одними из самых низких показателей ВВП на душу населения в стране), которые, что примечательно, либо единолично образуют «свой» экономический район (Уттар-Прадеш – Северо-Центральный, Мадхья-Прадеш – Центральный), либо выступают лидерами в территориально-экономическом сочетании штатов (Ассам – Северо-Восточный). К этой группе также примыкает Одиша (Восточный экономический район).

При этом разница между значениями ОПЖ в трудоспособном возрасте для вступающих в эту группу и новорожденных в 2011 г. составляет в целом для Индии 3,0 года. «Тянут назад» Индию в этом отношении крупные штаты с достаточно низким уровнем жизни: Ассам, Одиша, Раджастан (разность составляет от 3,0 до 4,0 лет) и, особенно, Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш (разность от 4,0 до 5,0 лет). Наоборот, «локомотивами» сокращения разницы между показателями ОПЖ в трудоспособном возрасте для вступающих в эту группу и новорожденных предстают штаты с высоким уровнем жизни: Махараштра, Пенджаб, Тамилнад (разность от 1,0 до 2,0 лет) и, в особенности, Керала (менее 1 года).

По прогнозам, к окончанию первой трети XXI в. почти все штаты (за исключением проблемных Одиши, Мадхья-Прадеша и некогда части последнего – ныне самостоятельного штата Чхаттисгарх) перейдут рубеж в 70 лет для ОПЖ при рождении. Следующий десятилетний рубеж (80 лет) всеми штатами Индии будет взят к началу последней четверти XXI в. [29].

Переход к новой репродуктивной стратегии и снижение рождаемости

Снижение смертности и удлинение человеческой жизни самоцелны, они открывают перед человеком и перед человечеством совершенно новые возможности, о которых люди, жившие до XX в., не могли и мечтать. Но, в то же время, они запускают цепную реакцию, ведущую к глубоким преобразованиям всего процесса воспроизводства населения.

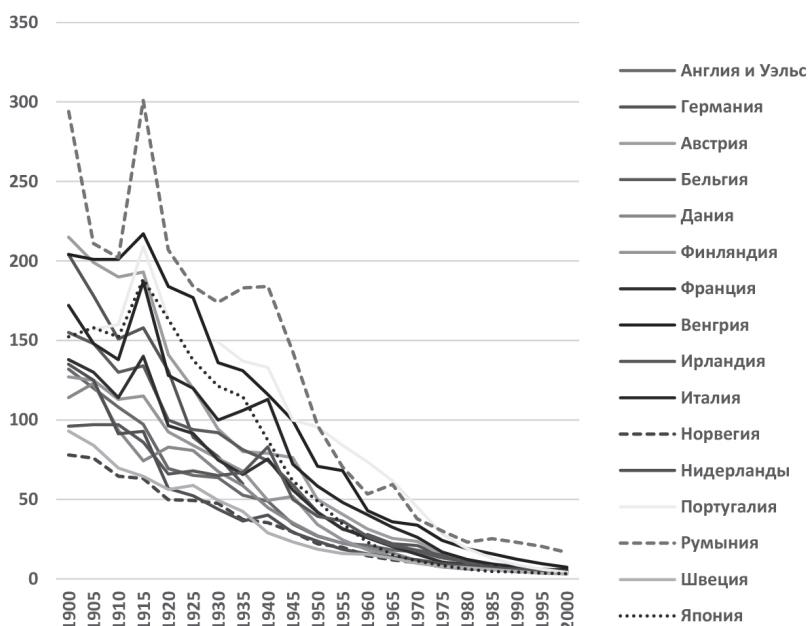
В условиях традиционной эпидемиологической модели огромное число родившихся детей умирало на первом году жизни. Даже в конце XVIII в. в самых благополучных европейских странах до 1 года не доживало 200 из каждой 1000 новорожденных. В Германии еще в середине XIX в. на первом году жизни умирало примерно 300 родившихся, в России такой уровень младенческой смертности сохранялся до конца XIX в. При типичной для доиндустриальной эпохи средней продолжительности жизни, близкой к 30 годам, лишь половина родившихся девочек – будущих продолжательниц рода – доживала до возраста 25 лет. Это означало, что для поддержания стабильной численности населения на каждые 100 женщин должно было рождаться не менее 400 детей (примерно поровну мальчиков и девочек). Среди этих 100 женщин в силу разных, не зависящих от них причин (женское или мужское бесплодие, раннее овдовение и пр.) могли быть не родившие ни одного ребенка, либо родившие малое число детей, что компенсировалось

большим числом рождений у другой части женщин. Поддержание общего баланса обеспечивалось наличием во всех традиционных культурных системах четких установок на высокую рождаемость, которые исключали намеренное ограничение числа рождений в семье, в том числе и в тех случаях, когда в ней уже имелось большое число детей.

В этом, собственно, и заключалась репродуктивная стратегия человеческого общества во все прошлые эпохи. Не умея воздействовать на смертность и другие факторы, противодействовавшие росту населения или даже приводившие к его сокращению (например, во время эпидемий или крупных вспышек голода), люди противопоставили им социальные и культурные механизмы, поддерживавшие высокую рождаемость и не допускавшие вымирания населения. Снижение смертности в XX в. лишило эти механизмы их изначального смысла. Младенческая смертность, начавшая снижаться еще в XIX в., за XX в. в индустриально развитых странах если не совсем исчезла, то почти сошла на нет (Рис. 6).

Но и в остальных странах мира она снижается очень быстро (Табл. 3). В середине XX в. даже в Африке она была ниже, чем в некоторых европейских странах в 1900 г. К концу же XX в., при том, что Африка оставалась континентом наиболее высокой младенческой смертности, ее уровень был ниже, чем во многих странах Восточной Европы в середине столетия.

Быстро снижалась смертность и в других возрастах, непрерывно росла продолжительность жизни. При ее увеличении до 50 лет доля девочек, доживающих до 25 лет,

Рис. 6. Младенческая смертность в некоторых европейских странах и Японии. Исходный уровень к началу и снижение к концу XX в. Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми.

Источник: [13].

Таблица 3. Младенческая смертность в середине, конце XX в. и в начале XXI в. в макрорегионах мира и в некоторых крупнейших развивающихся странах (число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми)

	1950–1955	2000–2005	2010–2015
<i>Весь мир</i>	142	49	36
Азия	157	46	31
Африка	187	81	59
Европа	72	8	5
Латинская Америка	127	25	20
Северная Америка	31	7	6
Океания	60	25	20
<i>Некоторые крупнейшие страны</i>			
Бангладеш	221	56	33
Бразилия	137	28	20
Индия	186	60	41
Индонезия	193	36	25
Китай (без Сянгана и Аомыня)	129	25	12
Мексика	121	21	19
Нигерия	201	104	76
Пакистан	256	84	70

Источник: [31].

повышается, примерно, до 75%, при увеличении до 60 лет она вырастает до 85%, при увеличении до 70 лет приближается к 95%. «Запасные» дети, рождение которых обеспечивали культурные нормы во все времена и которые были необходимы, чтобы противостоять урону, наносимому высокой смертностью, становятся ненужными. Более того, высокая рождаемость становится опасной, потому что приводит к неконтролируемому росту населения.

Устранить эту опасность и восстановить демографическое равновесие, нарушенное небывалым снижением смертности, можно только приведя уровень рождаемости в соответствие с новым уровнем смертности, и XX в. стал веком столь же небывалого снижения рождаемости.

Как и в случае со смертностью, важным подготовительным этапом стал XIX в., хотя поиски демографического ответа на изменения смертности начались ранее, когда эти изменения только обозначились в Европе. Первым таким ответом стала так называемая «европейская брачность», к XVIII в. получившая широкое распространение в европейских странах к западу от «линии Хайнала» (прямая линия, соединяющая Санкт-Петербург и Триест). Этот необычный для доиндустриальных обществ тип брачности предполагал заключение браков в более поздних возрастах и довольно широко распространенное безбрачие, благодаря чему число рождений в расчете на 1 женщину или одну брачную пару заметно сократилось. Именно этот путь ограничения рождаемости пропагандировал Мальтус, но его отвергали неомальтузианцы, проповедовавшие не ограничение брачности, а ограничение рождаемости в браке.

Хотя неомальтузианское течение возникло в Англии, главным экспериментатором ограничения рождаемости в браке стала послереволюционная Франция, которая на про-

Таблица 4. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых европейских странах к началу XX в., рождений на 1 женщину

Восточная Европа		Западная Европа		Франция	
Россия	7,06	Норвегия (1899)	4,47	Франция (1899)	2,88
Украина	7,50	Финляндия (1899)	4,90		
Болгария	6,57	Швеция (1899)	3,96		

Источники: [13, 20].

тяжении всего XIX в. выделялась среди европейских стран низким уровнем рождаемости. Но и опыт Франции, и призывы неомальтизианцев были восприняты всеми европейскими странами лишь к концу XIX в., когда успехи в снижении смертности уже сильно ослабили ее роль главного регулятора процесса демографического воспроизводства, и европейские общества стали постепенно осознавать, что эта роль переходит к рождаемости.

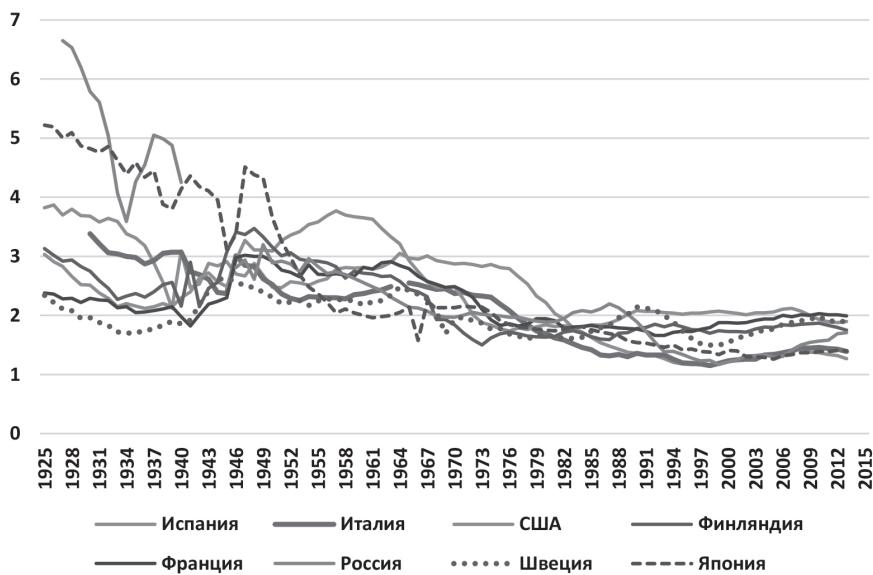
К началу XX в. в Европе существовали три модели рождаемости: традиционная модель неограниченной рождаемости в Восточной Европе; модель рождаемости, регулируемой через брачность, в большинстве стран Западной Европы; модель рождаемости, регулируемой в браке во Франции. Соответственно различались уровни рождаемости (Табл. 4).

XX век очень быстро стер все различия и привел к повсеместному распространению французской модели рождаемости. После Первой мировой войны исключительность Франции исчезла, снижение рождаемости привело к сближению ее уровней во многих западноевропейских странах и США, в последующие годы оно захватило такие страны, как Россия и Япония. Уже в первой половине столетия рождаемость в некоторых странах опускалась ниже двух детей на одну женщину, к концу столетия практически не осталось промышленно развитых стран, где бы рождаемость превышала этот уровень (Рис. 7).

Во второй половине века снижение рождаемости распространилось на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Во многих случаях этому способствовала проводившаяся в них демографическая политика. Одной из первых стран, начавших проводить такую политику, была Индия. Однако усилия правительства Индии, направленные на снижение рождаемости, натолкнулись на сопротивление традиционалистки настроенного общественного мнения, что существенно снизило эффективность программ планирования семьи и не позволило быстро снизить рождаемость в масштабах всей страны. Гораздо более эффективной оказалась политика, проводившаяся под лозунгом «одна семья – один ребенок» в Китае. Она проводилась авторитарными методами и привела к быстрому и значительному снижению рождаемости. Еще один пример быстрого снижения рождаемости под влиянием государственной политики – Иран.

Так или иначе, но снижение рождаемости во второй половине XX в. охватило почти весь развивающийся мир. В одних странах оно шло быстрее, в других – медленнее, но к концу века компактной зоной высокой, хотя тоже уже снижавшейся рождаемости оставалась только Африка (Табл. 5).

Переход к новой модели рождаемости был продиктован объективной необходимостью снижения ее уровня, но он повлек за собой неисчислимые качественные институци-

Рис. 7. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых промышленно развитых странах, рождений на 1 женщину.

Источники: [13, данные национальных статистических служб].

Таблица 5. Коэффициент суммарной рождаемости в макрорегионах мира и в некоторых крупнейших развивающихся странах, рождений на 1 женщину, 1950–2015 гг.

	1950–1955	2000–2005	2010–2015
<i>Весь мир</i>	4,96	2,62	2,51
Азия	5,82	2,39	2,20
Африка	6,60	5,10	4,71
Европа	2,66	1,43	1,60
Латинская Америка	5,89	2,52	2,15
Северная Америка	3,35	1,99	1,86
Океания	3,84	2,43	2,42
<i>Некоторые крупнейшие страны</i>			
Бангладеш	6,36	2,93	2,23
Бразилия	6,15	2,25	1,82
Индия	5,90	3,14	2,48
Индонезия	5,49	2,48	2,50
Китай (без Сянгана и Аомыня)	6,11	1,50	1,55
Мексика	6,75	2,63	2,29
Нигерия	6,35	6,05	5,74
Пакистан	6,60	4,23	3,72

Источник: [31].

ональные и культурные изменения, затронувшие самые разные стороны человеческого существования.

Ни одно доиндустриальное общество не знало свободы прокреативного выбора – предупреждение зачатия или прерывание беременности по воле родителей, как правило, осуждалось культурными нормами, противоречило религиозным предписаниям и светским законам. Рождение детей было прямым следствием сексуальных отношений, которые, в свою очередь, были привязаны к браку. Все крупные культурно-религиозные нормативные системы последних тысячелетий, как правило, не допускали самостоятельного сексуального или прокреативного поведения – и то, и другое всегда рассматривалось в неразрывной связи с матримониальным поведением. Пребывание в браке, сексуальная жизнь и производство потомства воспринимались массовым сознанием как единое целое, как незыблемая основа семейной морали, любое нарушение этого единства осуждалось как грех или преступление. Рождение детей осознавалось как одна из главных задач супружества.

Переход к новой репродуктивной модели необратимо подорвал это триединство. Первое, чего он потребовал, была автономизация прокреативного поведения, признание того, что рождение ребенка не должно рассматриваться как неизбежное следствие сексуальных отношений. Снижение рожаемости свидетельствовало о все более массовой практике предотвращения или прерывания беременности. Технологически первоначально эта практика опиралась на традиционные методы и средства, известные с незапамятных времен, но обычно находившиеся под законодательным или моральным запретом. Но эти методы и средства (их, в частности, пропагандировали первые неомальтизианцы) при их освоении массовой практикой оказались недостаточно эффективными или небезопасными, и в обществах, менявших свою репродуктивную модель, возник запрос на более совершенные методы регулирования деторождения. На протяжении первой половины XX в. шли поиски таких методов, они долгое время не выходили из стадии экспериментов, окончательный прорыв был совершен лишь в 1950-е годы, когда были созданы современные высокоэффективные внутриматочные и гормональные противозачаточные средства. Это открыло путь для «второй контрацептивной революции», произошедшей в Европе в 1960-е годы. Она сделала возможным надежное планирование числа и сроков рождения детей при весьма ограниченном числе искусственных абортов, остававшихся лишь «крайней мерой».

Автономизация прокреативного поведения одновременно означала автономизацию и сексуального, а тем самым и матримониального поведения. Половые отношения, при желании половых партнеров освобожденные от риска зачатия, уже не требовали обязательной санкции брака, и добрачная половая жизнь стала широко распространенной и все более терпимо воспринимаемой обществом. В то же время официальный брак перестал быть и обязательной предпосылкой рождения детей и приобрел какой-то иной, отличный от прежнего смысл, возможно, приобретя при этом черты более тесного и интимного личного партнерства.

Так или иначе, но демографические изменения XX в. создали предпосылки для совершенно иной, чем прежде, организации семейного и всего жизненного цикла человека.

С одной стороны, небывалое увеличение продолжительности жизни, равно как и продолжительности здоровой жизни, почти гарантированная надежность дожития и

сохранения способности к активной жизни до намного более позднего, чем даже в недалеком прошлом, возраста, само по себе поставило – и перед индивидом, и перед обществом – вопрос о каком-то новом структурировании значительно выросшего и доступного для использования времени человеческой жизни. На достижение каких целей может и должно быть использовано это доставшееся человеку новое богатство? Для получения образования? Для удлинения сроков производственной жизни? Для расширения времени досуга? В какой период жизни?

С другой стороны, ограничение избыточной рождаемости резко сократило время, по необходимости уходившее прежде у женщины и у супружеской пары в целом на производство потомства, создало совершенно новые предпосылки для достижения гендерного равенства. В то же время, оно поставило вопрос о локализации прокреативной деятельности в увеличившемся пространстве доступного каждому человеку времени с учетом его стремления к достижению всех его жизненных целей.

ХХ в. стал временем поисков ответов на все эти вопросы и поисков наилучшего размещения внутри жизненного цикла человека важнейших демографических событий его жизни, таких как вступление в брак и рождение детей.

С распространением внутрисемейного регулирования деторождения поздняя «европейская брачность», просуществовавшая в Западной Европе несколько столетий, потеряла свой демографический смысл и стала исчезать, возраст вступления в первый брак стал снижаться. Это снижение продолжалось примерно до 1970 г., а затем начался его новый рост, свидетельствующий о продолжающихся поисках наилучшей организации жизненного пути человека в новых условиях.

Мировой демографический взрыв

Как отмечалось выше, ХХ и ХХI столетия – эпоха небывалого в истории роста населения Земли. Это также результат демографической революции, которая, оказав огромное влияние на жизненный цикл и организацию частной жизни отдельного человека, одновременно породила невиданные изменения и на глобальном уровне. Они выражаются не только в беспрецедентном по скорости и масштабам росте населения планеты, но и в кардинальном изменении его распределения по странам и континентам.

Будучи ответом на снижение смертности, снижение рождаемости начинается с большим или меньшим запаздыванием, когда допереходное равновесие уже нарушено, что и служит причиной «демографического взрыва» – роста населения необычно высокими темпами. Такие более высокие темпы сохраняются на протяжении всего периода, пока падающая рождаемость «догоняет» снижающуюся смертность и устанавливается новое равновесие. Конкретные масштабы роста того или иного населения в период перехода зависят от многих обстоятельств: разрыва во времени между началом снижения смертности и рождаемости, скорости снижения того и другого и т.п.

Европейские страны, первыми вступившие на путь демографического перехода, пережили свой демографический взрыв (в Западной Европе его не знала только Франция) еще в XIX в., что привело, в частности, к массовым заокеанским миграциям европейцев. В целом за XIX столетие население Европы и заокеанских стран европейского заселения выросло в 2,3 раза, тогда как населения всего остального мира – всего в полтора раза.

Таблица 6. Рост населения в макрорегионах мира в XIX и XX – начале XXI вв., раз

	1800–1900	1900–2015
<i>Весь мир</i>	1,7	4,5
<i>Европа, Северная Америка и Океания</i>	2,3	2,3
Европа	2,0	1,8
Северная Америка	11,7	4,4
Океания	3,0	6,5
<i>Азия, Африка и Латинская Америка</i>	1,5	5,4
Азия	1,5	4,6
Африка	1,2	8,9
Латинская Америка	3,1	8,6

Источники: [31, 33].

В ХХ в. европейский демографический взрыв остался позади, но начался гораздо более мощный и продолжительный взрыв населения в Азии, Африке и Латинской Америке. Он также внес – посредством миграции – некоторый вклад в рост населения Северной Америки, Океании и даже Европы, но основной прирост населения пришелся на весь остальной мир. Его население увеличилось за ХХ в. в 4,4 раза против 1,5 раза в XIX в. Население всей планеты выросло при этом в 3,7 раза против 1,7 раза за XIX в. (Табл. 6).

Подобных темпов роста населения человеческая история не знала. Население Землиросло очень медленно, оно достигло 1 млрд человек только в начале XIX в. В это время рост населения ускорился, и к началу XX в. число жителей Земли оценивается в 1650 млн. К концу же столетия оно выросло до 6,1 млрд, т.е. почти на 4,5 млрд человек. Иными словами, ХХ в. принес прирост населения Земли почти в 4 раза больший, чем вся предшествующая история (Табл. 7). В этом, возможно, главная необычность этого столетия.

Демографический взрыв приобрел глобальные масштабы после Второй мировой войны, когда новая эпидемиологическая модель стала распространяться на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, и в них стала быстро снижаться смертность, но они оказались не готовы к ответному снижению рождаемости. Темпы

Таблица 7. Численность населения мира и его макрорегионов с 1750 г., млн человек

	1750	1800	1850	1900	1950	2000	2015
<i>Весь мир</i>	791	978	1262	1650	2526	6128	7349
в том числе:							
Европа	163	203	276	408	549	729	739
Северная Америка	2	7	26	82	172	315	358
Океания	2	2	2	6	13	31	39
<i>Итого</i>	167	212	304	496	733	1076	1136
Азия	502	635	809	947	1396	3717	4393
Африка	106	107	111	133	229	808	1186
Латинская Америка	16	24	38	74	168	526	634
<i>Итого</i>	624	766	958	1154	1792	5052	6213

Источники: [31, 33].

Таблица 8. Среднегодовые темпы естественного прироста населения во второй половине XX – начале XXI вв. в макрорегионах мира и некоторых крупнейших развивающихся странах, ‰

	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970	1970–1975	1975–1980	1980–1985	1985–1990	1990–1995	1995–2000	2000–2005	2005–2010	2010–2015
Весь мир	17,7	18,0	19,2	20,6	19,6	17,8	17,8	18,0	15,4	13,2	12,4	12,2	11,8
Азия	19,1	18,8	21,1	24,6	23,0	19,9	19,7	20,2	16,8	13,7	12,4	11,7	10,7
Африка	21,2	23,4	25,1	25,9	27,2	28,4	28,9	28,2	26,2	25,1	24,9	25,6	26,0
Европа	10,3	10,7	9,4	6,9	5,4	4,2	3,5	3,0	0,3	-1,3	-1,6	-0,6	-0,3
Латинская Америка	27,1	28,0	28,7	27,0	25,8	24,6	23,0	20,9	18,7	17,3	15,6	13,3	11,9
Северная Америка	15,1	15,5	13,1	8,6	6,4	6,2	6,7	6,9	6,8	5,6	5,4	5,5	4,3
Океания	15,1	16,0	15,6	14,6	14,7	12,4	12,4	11,9	12,0	11,2	10,7	11,3	10,4
<i>Некоторые крупнейшие страны</i>													
Бангладеш	21,4	26,9	29,9	31,0	27,1	29,4	28,6	26,5	23,7	21,8	19,5	16,6	14,8
Бразилия	28,6	29,1	29,7	26,3	24,4	23,9	22,6	18,9	15,8	15,4	13,9	10,5	9,1
Индия	16,8	18,8	20,4	21,4	22,3	22,6	22,8	21,4	19,9	18,5	16,9	15,1	13,0
Индонезия	21,4	25,6	26,8	27,1	26,0	24,4	22,5	19,2	16,8	14,6	14,2	14,1	13,3
Китай (без Сянгана и Аомыня)	19,1	14,8	18,7	26,9	22,9	15,4	14,8	18,5	12,4	6,8	5,9	5,7	5,4
Мексика	31,6	33,1	33,1	33,2	34,5	29,7	25,9	24,1	22,5	20,7	18,4	16,3	14,5
Нигерия	16,5	18,9	21,1	22,3	25,0	27,0	27,6	26,3	25,3	25,2	25,8	26,9	27,0
Пакистан	14,8	21,1	25,2	27,4	28,3	29,2	30,0	30,6	28,0	25,1	22,0	22,2	22,2

Источник [31].

естественного прироста населения резко увеличились и достигли пика в Латинской Америке в первой, а в Азии и Африке – во второй половине 1960-х годов. Тогда же достигли максимума темпы прироста всего мирового населения. После этого рост населения Азии и Латинской Америки, а значит, и всего мирового населения, стал замедляться, во многих случаях в результате целенаправленной политики правительств, осознавших опасность чрезмерного роста населения. В Африке же высокие темпы естественного прироста населения сохранились и в конце века.

В то же время в Европе темпы естественного прироста, невысокие уже в начале 1950-х годов, неуклонно снижались и к концу XX в. в целом для Европы стали отрицательными. Это в решающей степени определялось низким уровнем воспроизводства населения во многих странах Восточной Европы.

Как следует из табл. 8, стремительное увеличение населения мира сопровождалось нарастанием глобальной демографической асимметрии. Население мира никогда не было распределено по

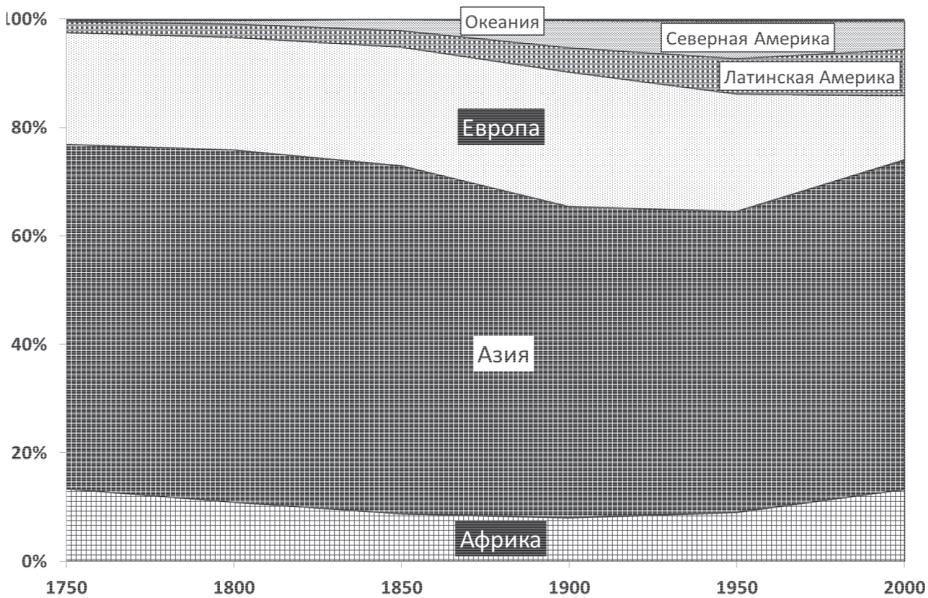

Рис. 8. Распределение населения мира по континентам в 1750–2000 гг.

Источники: [30, 33].

территории планеты равномерно, большая его часть издавна была сосредоточена в Азии. Примерно с середины XVIII в. начала увеличиваться доля Европы, а затем и стран преимущественно европейского заселения, за период с 1750 по 1900 г. она выросла с 21,1% до 30,1%. Но затем началось обратное движение, к концу XX в. доля Европы, Северной Америки и Океании упала до 17,6%, т.е. стала заметно ниже, чем в середине XVIII в. (Рис. 8).

Демографический взрыв второй половины XX в. существенно изменил иерархию стран по численности населения. В табл. 9 приведен ранжированный по численности населения список 20 самых населенных стран мира, в которых и в 1950, и в 2000, и в 2015 гг. проживало свыше 70% жителей планеты. За вторую половину XX в. численность их населения увеличилась на 2,5 млрд человек, а за первые 15 лет XXI в. – еще почти на 0,8. Три страны, возглавлявшие список в 1950 г., сохранили свои позиции и в 2000., и в 2015 гг. Но в остальной части списка произошли большие изменения. Если в 1950 г. в первой двадцатке наблюдался паритет в количестве развитых и развивающихся стран (в современных границах), то на рубеже столетий развитых государств здесь осталось лишь шесть, а спустя еще 15 лет – только четыре. При этом налицо две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, растет число стран с численностью населения более 100 млн человек (4 – в 1950 г., 11 – в 2000, 12 – в 2015, 13 – в ближайшем будущем); с другой, наблюдается снижение уровня концентрации населения в 20 крупнейших странах (74,3% – в 1950 г., 71,6% – в 2000, 70,4% – в 2015 г.).

В целом, произошедшие за XX в. демографические изменения, казалось бы, не изменившие политическую карту мира, были огромными, и они предвещали очень серьезные перемены в мировом экономическом и геополитическом порядке.

Таблица 9. Численность населения 20 наиболее населенных государств мира в середине и в конце XX в., начале XXI в. в границах, сложившихся после Второй мировой войны с учетом их последующих изменений, млн человек

	1950		2000			2015		
1	Китай	543,8	1	Китай	1280,4	1	Китай	1376,0
2	Индия	376,3	2	Индия	1042,3	2	Индия	1311,0
3	США	157,8	3	США	284,6	3	США	321,8
4	Россия	102,8	4	Индонезия	208,9	4	Индонезия	257,6
5	Япония	82,2	5	Бразилия	174,5	5	Бразилия	207,8
6	Индонезия	72,6	6	Россия	146,8	6	Пакистан	188,9
7	Германия	70,1	7	Пакистан	143,8	7	Нигерия	182,2
8	Бразилия	54,0	8	Бангладеш	132,4	8	Бангладеш	161,0
9	Великобритания	50,6	9	Япония	125,7	9	Россия	143,5
10	Италия	46,4	10	Нигерия	122,9	10	Мексика	127,0
11	Франция	41,8	11	Мексика	103,9	11	Япония	126,6
12	Бангладеш	37,9	12	Германия	83,5	12	Филиппины	100,7
13	Нигерия	37,9	13	Вьетнам	80,9	13	Эфиопия	99,4
14	Пакистан	37,5	14	Филиппины	77,7	14	Вьетнам	93,4
15	Украина	37,3	15	Египет	66,1	15	Египет	91,5
16	Мексика	28,3	16	Эфиопия	66,0	16	Германия	80,7
17	Испания	28,1	17	Иран	65,9	17	Иран	79,1
18	Вьетнам	24,9	18	Турция	63,2	18	Турция	78,7
19	Польша	24,8	19	Франция	59,2	19	Демократическая республика Конго	77,3
20	Египет	21,5	20	Великобритания	59,0	20	Таиланд	68,0
	Всего 20 стран	1876,6		Всего 20 стран	4387,6		Всего 20 стран	5172,2
	Их доля в населении мира	74,3%		Их доля в населении мира	71,6%		Их доля в населении мира	70,4%

Источники: [30, 31].

Становление новой возрастной структуры населения мира

К числу небывалых демографических изменений XX в. относится совершенно новый в истории человечества феномен: изменение возрастного состава мирового населения. Перестройка возрастной структуры в глобальных масштабах завершится уже в XXI столетии, но процесс изменений был запущен именно в XX веке.

Новая возрастная структура – неизбежное следствие перехода к низкой смертности и низкой рождаемости: на смену классической возрастной пирамиде с широким основанием, быстро сужающейся кверху (поколение родившихся быстро вымирает), приходит фигура, которая может называться пирамидой лишь условно (почти все родившиеся доживают до весьма почтенных возрастов). Это означает, что доля младших возрастных групп в населении неуклонно снижается, а доля старших столь же неуклонно возрастает, население «стареет». В XX в. демографическое старение дало о себе знать, прежде всего, в экономически развитых странах. Его можно проиллюстрировать на примере Швеции – страны, не участвовавшей в военных действиях, которые в той или иной степени деформировали возрастную пирамиду большинства европейских стран.

И смертность, и рождаемость умеренно снижались в Швеции уже в XIX в., соответственно тогда же началось и старение ее населения. Доля людей в возрасте 60 лет и более выросла с 8,2% в 1860 г. до 11,9% в 1900. Но XX в. принес кардинальные измене-

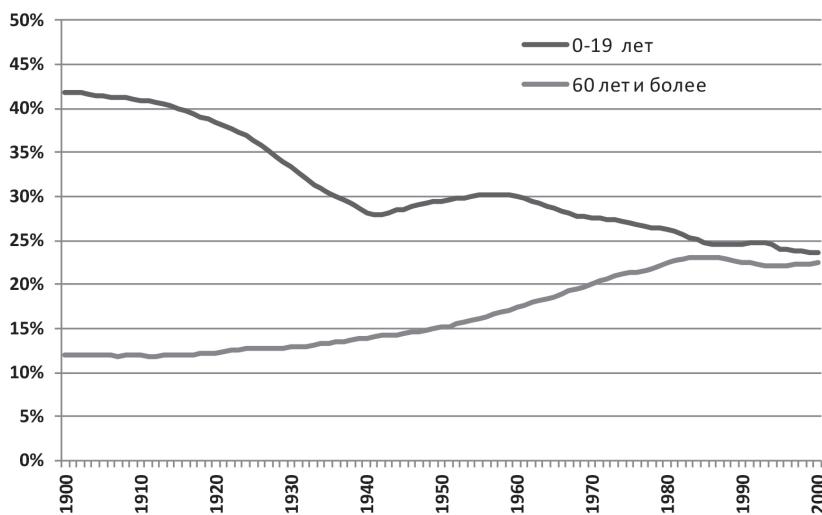

Рис. 9. Старение населения Швеции на протяжении XX в. (доли младшей и старшей возрастных групп).

Источник: [27].

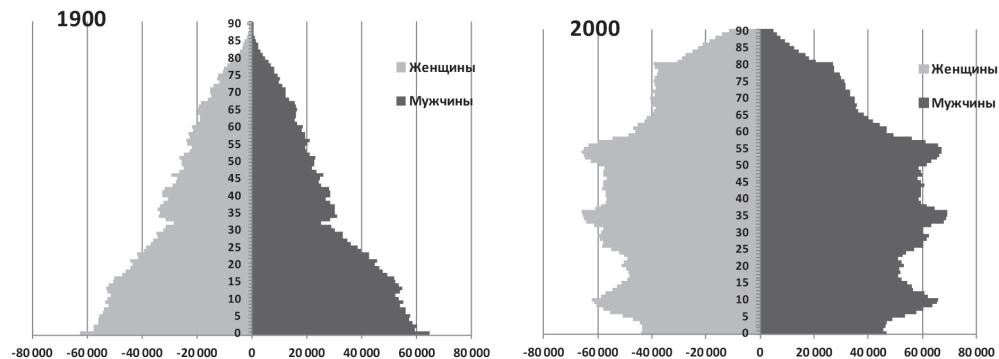

Рис. 10. Возрастные пирамиды населения Швеции в 1900 и 2000 гг.

Источник: [27].

ния, к 2000 г. эта доля увеличилась до 22,4%. Одновременно сокращалась доля детей и молодежи в возрасте до 20 лет – она упала с 41,8% в 1900 г. до 23,6% в 2000 г. (Рис. 9). Соответственно коренным образом изменилась и возрастная пирамида населения Швеции (Рис. 10).

К середине XX в. демографическое старение обозначилось уже в большинстве развитых стран: в Швеции доля пожилых людей (60 лет и старше) выросла до 15%, примерно такой же она была, в среднем, для всех стран Западной и Северной Европы. Но в Европе в целом эта доля оставалась еще невысокой, на уровне Швеции 1900 г., а в мире в целом – примерно на уровне Швеции 1860 г. (Табл. 10).

Таблица 10. Доля младшей и старшей возрастных групп (%), а также медианный возраст населения в макрорегионах и крупнейших странах мира в 1950–2015 гг.

	0–19 лет, %			60 лет и более, %			Медианный возраст, лет		
	1950	2000	2015	1950	2000	2015	1950	2000	2015
Весь мир	43,8	39,4	34,1	8,0	9,9	12,3	23,5	26,3	29,6
Азия	46,5	39,9	32,4	6,6	8,6	11,6	22,0	25,9	30,3
Африка	51,5	53,6	51,3	5,3	5,2	5,4	19,3	18,3	19,4
Европа	34,8	24,5	20,8	11,8	20,3	23,9	28,9	37,7	41,7
Латинская Америка	50,2	42,1	34,5	5,7	8,1	11,2	19,9	24,3	29,2
Северная Америка	34,4	28,2	25,0	12,4	16,2	20,8	29,8	35,4	38,3
Океания	37,4	33,6	30,9	11,2	13,4	16,5	27,9	30,8	32,9
<i>Некоторые крупнейшие страны*</i>									
Япония	45,7	20,6	17,6	7,7	23,3	33,1	22,3	41,3	46,5
Россия	39,7	26,5	21,2	7,7	18,4	20,0	24,3	36,5	38,7
США	34,1	28,4	25,4	12,5	16,2	20,7	30,0	35,3	38,0
Китай (без Сянгана и Аомыня)	43,8	33,1	23,0	7,5	9,9	15,2	23,7	29,8	37,0
Бразилия	51,6	40,1	31,4	4,9	7,7	11,7	19,2	25,2	31,3
Индонезия	50,0	41,2	36,6	6,2	7,4	8,2	20,0	24,4	28,4
Мексика	52,7	44,6	37,0	5,4	7,1	9,6	18,7	22,7	27,4
Индия	47,7	45,1	38,2	5,4	6,9	8,9	21,3	22,7	26,6
Бангладеш	51,4	48,2	39,5	5,8	6,0	7,0	19,3	20,9	25,6
Филиппины	53,7	49,1	42,0	5,5	5,1	7,3	18,2	20,5	24,2
Пакистан	50,4	51,8	45,2	7,8	6,2	6,6	19,8	19,2	22,5
Нигерия	51,8	54,4	54,3	5,1	4,7	4,5	19,1	18,0	17,9

* Страны ранжированы по убыванию медианного возраста в 2015 г.

Источник: [31].

Вторая половина XX в. ознаменовалась заметным постарением населения большинства развитых стран, о чем свидетельствуют как изменение долей младшей и старшей возрастных групп в их населении, так и значительным повышением его медианного возраста. В 2000 г. в Европе в целом половина населения была старше 37,6 года, в Северной Америке – старше 35,4 года – в 1950 г. население этих регионов было намного моложе.

Но в целом население мира и его наиболее населенных регионов к концу XX в. оставалось еще очень молодым, было слабо затронуто процессом старения. Более того, в некоторых странах и регионах наблюдалось омоложение населения, доля молодежи повышалась, а медианный возраст сокращался. Это относится, прежде всего, к населению африканских и азиатских стран. Половина населения Пакистана имела в 2000 г. возраст ниже 19 лет, половина населения Нигерии – ниже 18 лет (Табл. 10). В демографическом и политическом словаре появилось выражение «молодежный бугор» – речь идет о необычно высокой доле в населении детей и молодежи, что имеет немалые экономические

и политические последствия. «Молодежный бугор» и вообще омоложение населения некоторых стран и регионов во второй половине XX в. – спутник демографического взрыва, в основе которого лежит сохранение высокой традиционной рождаемости при резко сократившейся смертности детей и молодежи. Это – временное явление, по мере прекращения демографического взрыва «бугор» будет перемещаться в средние, а затем и в старшие возрасты и со временем усилит процесс демографического старения – магистральную тенденцию изменения возрастного состава, которая сформировалась в XX в. и сохранится до тех пор, пока возрастная пирамида населения всех регионов и мира в целом не придет в соответствие с новыми характеристиками рождаемости и смертности. Но к прежней возрастной структуре, которая существовала до XX в., мир не возвратится никогда.

Поворот международных миграций

На протяжении истории миграция не раз становилась важным инструментом глобального демографического регулирования за счет передвижения людей из более населенных в менее населенные регионы планеты. Результатом этого процесса стало распространение человека по всему Земному шару.

В XIX в. ускорившийся рост населения в очередной раз привел к включению миграционного механизма глобального демографического регулирования, сформировались крупные миграционные системы, в рамках которых происходили масштабные перемещения населения и в первой половине XX в.

Наиболее известная из этих систем – Трансатлантическая – сложилась в результате европейской миграции в Северную и Южную Америку (55–58 млн человек между 1846–1940 гг.), хотя некоторая, намного менее значительная часть мигрантов прибывала в обе Америки также из Индии, Китая, Японии и Африки. Вторую миграционную систему образовали потоки из Индии и Южного Китая (при некотором участии выходцев из Северо-Восточной Азии, Африки, Европы и Ближнего Востока) в английские, французские и голландские колонии в бассейнах Тихого и Индийского океанов, а также в Австралию и Новую Зеландию – всего, примерно, 48–52 млн человек за 1846–1940 гг. Третья крупная миграционная система (46–51 млн мигрантов за 1846–1940 гг.) – североазиатская – охватывает перемещения китайцев и корейцев в Маньчжурию и в Сибирь, корейцев – в Японию, а также миграцию из Европейской России в Сибирь и Центральную Азию [21].

Эти миграции довольно существенно повлияли на численность населения принимающих территорий. За 100 лет между 1850 и 1950 гг. население мира выросло в 2,1 раза, Европы – в 1,9 раза, Китая – в 1,2 раза. В то же время население Америки увеличилось в 5,5 раза, Северной Азии – в 4,7 раза, принимающих районов Юго-Восточной Азии – в 4,2 раза.

Хотя основные направления миграций сложились в XIX в., миграционные потоки достигли максимальных значений в первые десятилетия XX в., и они решающим образом определяли картину глобальных миграций вплоть до Второй мировой войны.

Однако во второй половине XX в. эта картина существенно изменилась под влиянием ряда факторов, главным из которых стал мировой демографический взрыв, хотя, конечно, имели значение и политические и экономические изменения глобальных масштабов.

Демографический взрыв, выталкивавший население из Европы в XIX и в начале XX в., переместился в развивающиеся страны Глобального Юга и достиг там гораздо большей мощности. С 1950 по 2000 г. население Азии, Африки и Латинской Америки увеличилось на 3,3 миллиарда человек, прирост населения Европы и Северной Америки, в том числе, и за счет притока мигрантов из развивающихся стран, был в десять раз меньшим. Соотношение демографических масс Севера и Юга резко изменилось, и это не могло не обернуться мощным миграционным давлением Юга на Север. Еще в 1950-е годы основное направление миграций было не вполне ясно, но после 1960 г. преобладание миграций с Юга на Север и их нарастание стало очевидным. За все время с 1950 по 2000 г. с Юга на Север переместилось около 60 млн человек – столько же, сколько в свое время выехало из Европы за океан за 120 лет [30, 35]. При этом нарастал миграционный обмен между странами Юга, но рост миграций с Юга на Север шел быстрее. В 2015 г. общее накопленное число мигрантов в мире оценивалось примерно в 250 млн человек [22].

Основные тенденции и направления международных миграций как первой, так и второй половины XX в. определялись глобальной экономической и демографической ситуацией, неравенством возможностей в разных странах и частях света. Как сказал о современных мигрантах из Азии и Африки в Европу Генеральный секретарь ООН (1997–2006 гг.) Кофи Аннан, «они хотят сюда попасть, чтобы начать новую жизнь. При этом они следуют примеру миллионов бедных, но активных европейцев, которые когда-то отправлялись в Новый свет, потому что видели в этом свой шанс» [1].

Преимущественно экономический характер современных международных миграций получил отражение в необычном для прошлых эпох экономическом феномене – огромном росте денежных средств, переводимых мигрантами в страны выхода. Еще в начале 1970-х гг. размер этих средств, получаемых развивающимися странами, был ничтожным, к 1980 г. увеличился до \$18 млрд, к 1990 г. – до 31, к 2000 г. – до 81 млрд, к 2014 г. – до 436 млрд [4, 22].

Экономические – или, может быть, точнее, экономико-демографические – миграции были главным, но не единственным видом международных миграций в XX в. Вся история этого столетия отмечена массовыми вынужденными, в том числе насильственными миграциями, спровоцированными разного рода политическими событиями, такими как войны, изменение границ, политические репрессии, этнические чистки, геноцид и т.п.

Первые волны таких миграций были вызваны Балканскими войнами начала века, особенно же – Первой мировой войной, а также революцией и гражданской войной в России. К ним относятся, в частности, греко-турецкий обмен населением по религиозному признаку, затронувший не менее 2 млн человек, переселение около 1 млн немцев в связи с послевоенным изменением границ Германии, эмиграция от 1,5 до 3 млн человек из послереволюционной России [10]. После военно-политических потрясений, сопряженных с Первой мировой войной, в Европе оказалось огромное количество мигрантов-беженцев, для помощи которым в 1921 г. под эгидой Лиги Наций была создана Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Comission) под председательством Фриттофа Нансена.

Еще больших масштабов достигли вынужденные, в том числе насильственные и полусильственные миграции, связанные со Второй мировой войной. Они начались еще в период ее назревания в 1930-е гг. и включали такие разнородные потоки, как эмиграция из охваченной гражданской войной Испании во Францию и ее североафриканские

колонии, в Латинскую Америку и в СССР; бегство евреев из Германии после прихода к власти Гитлера; стягивание в Германию под настойчивым давлением ее нацистского правительства всех, кого оно считало этническими немцами («фольксдойче»), проживавших в других европейских странах.

В ходе же самой войны и после ее окончания в числе международных мигрантов оказались миллионы беженцев, военнопленных, лиц, угнанных на принудительные работы в Германию или Японию, узников концлагерей, перемещенных лиц, лиц, подлежащих оптации в связи с изменением государственных границ и т.п. В частности, по решению Потсдамской конференции в 1945–1950 гг. 12–14 млн немцев были депортированы в Германию и Австрию из стран Восточной Европы, на освободившиеся территории переместилось около 5 млн поляков и около 2,3 млн чехов. В целом же счет людей, ставших международными мигрантами в связи со Второй мировой войной и ее последствиями, шел уже не на миллионы, а на десятки миллионов. Общее число перемещенных лиц в мае 1945 г. только в Европе и не считая немцев, бежавших от наступления советских войск, и иностранцев, в свое время угнанных в Германию на принудительные работы, оценивается более чем в 40 млн [8]. В Восточной Азии с захваченных во время войны территорий, в основном из Китая и Кореи, в Японию было переселено свыше 6 млн японцев [7].

В качестве особого случая миграций XX в. следует отметить миграцию евреев из разных стран в Палестину, приведшую к созданию государства Израиль, а затем и к значительному наращиванию его населения – с 1950 по 2000 г. оно выросло более чем в 4 раза – с 1,3 до 6 млн человек – и к началу 2016 г. достигло 8,45 млн чел.

Вынужденные миграции, пусть и не столь крупных масштабов, как во время Второй мировой войны, не исчезли в Европе ни в конце XX, ни в начале XXI в. Все приобретавшие остроту локальные конфликты, связанные с распадом СССР и Югославии и его последствиями, сопровождались всплесками эмиграции и появлением беженцев и вынужденных переселенцев. На исходе столетия, в 1999 г., в результате очередного кризиса на территории бывшей Югославии около 800 тыс. косовских албанцев бежали в Албанию и Македонию, а некоторое время спустя Косово вынуждены были покинуть около 200 тыс. сербов и представителей других меньшинств.

Во второй половине XX в. крупномасштабные вынужденные миграции охватили и другие континенты. Многомиллионные потоки мигрантов возникли в результате «обмена населением» между Индией и Пакистаном в конце 1940-х годов и между Пакистаном и Бангладеш в начале 1970-х. Война в Афганистане привела к появлению 6 млн афганских беженцев в Иране и Пакистане. Вспышка геноцида в Руанде в 1994 г. вызвала исход 2 млн руандийцев в Заир, Танзанию, Бурунди и Уганду – и это лишь несколько примеров вынужденных миграций, зарегистрированных в Азии, Африке и Латинской Америке.

Всего к началу 2000 г. в мире насчитывалось 22,3 млн беженцев и других лиц, на которых распространяется мандат Управления Верховного комиссара по беженцам (УВКБ) ООН. Более половины из них (11,7 млн) составляли беженцы, которых можно отнести к категории международных мигрантов, остальные — внутренне перемещенные лица, возвратившиеся беженцы, лица, ищущие убежища, лица без гражданства и другие [8].

Первые десятилетия XXI в. также отмечены масштабными вынужденными миграциями и быстрым ростом числа беженцев. Крупнейшим со времен Второй мировой войны миграционным кризисом Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал массовые

потоки беженцев, вызванных военными действиями в Сирии в 2015 г., по его оценке, свои дома вынуждены были покинуть более 4 млн человек [3]. По оценкам Управления Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев, в 2014 г. в мире насчитывалось около 60 млн беженцев.

Урбанизация и внутренние миграции

Как ни велики были размеры международных миграций в XX в., и по масштабу, и по значению они намного уступали внутренним миграциям, которые за одно столетие изменили сам принцип расселения людей в пределах освоенных ими территорий. Эти изменения были обусловлены важнейшим социальным процессом – урбанизацией.

Со времен неолитической революции на Земле утвердилась аграрная цивилизация, при которой подавляющее большинство населения во всех частях света было сельским. Города, в том числе и довольно большие, а иногда и очень большие, существовали и в древности, но в целом городское население всегда было незначительным меньшинством. Рост городского населения в некоторых странах начался в XIX веке, но за все столетие доля городского населения в мире увеличилась с 5% до 13% [24]. XX век все изменил.

Быстрая механизация сельского хозяйства делает избыточной подавляющую часть сельского населения, причем в период демографического взрыва его избыточность рез-

Таблица 11. Доля городского населения во всем населении в макрорегионах и крупнейших странах мира в 1950, 1975, 2000 и 2015 гг.

	1950	1975	2000	2015
<i>Весь мир</i>	29,6	37,7	46,6	54,0
Азия	17,5	25,0	37,5	48,2
Африка	14,0	24,7	34,5	40,4
Европа	51,5	65,4	70,9	73,6
Латинская Америка	41,3	60,7	75,3	79,8
Океания	62,4	71,9	70,5	70,8
Северная Америка	63,9	73,8	79,1	81,6
<i>Некоторые крупные страны</i>				
Бангладеш	4,3	9,8	23,6	34,3
Бразилия	36,2	60,8	81,2	85,7
Индия	17,0	21,3	27,7	32,7
Китай (без Сянгана и Аомыня)	11,8	17,4	35,9	55,6
Мексика	42,7	62,8	74,7	79,2
Нигерия	7,8	19,8	34,8	47,8
Пакистан	17,5	26,3	33,2	38,8
Россия	44,1	66,4	73,4	74,0
США	64,2	73,7	79,1	81,6
Япония	53,4	75,7	78,6	93,5

Источник: [31].

ко возрастает. Это приводит к массовому исходу сельского населения, перемещающегося в города, где теперь, в условиях индустриальной и постиндустриальной экономики, концентрируются все основные места приложения труда. В результате урбанизация становится одним из главных социальных процессов XX в. Городское население в этом веке росло быстрее, чем население мира в целом, оно увеличилось с 220 млн человек в 1900 г. до 732 млн в 1950 и до 2,8 миллиарда в 2000 г. [15]. К 1950 г. доля городского населения планеты увеличилась до 29%, к концу века приблизилась к половине, и уже в первом десятилетии XXI в. превысила половину населения Земли [15], но в Европе, Америке и Океании она превышала 70% уже к концу XX в. (Табл. 11).

Внутренние миграции XX в. развивались, в основном, в соответствии с моделью миграционного перехода, предложенной американским исследователем В. Зелински [34]. Поначалу это миграции из села в город, но по мере того, как миграционные ресурсы села исчерпываются, набирают силу межгородские миграции, для которых характерна направленность от меньших к более крупным городским поселениям. На более крупные города ориентируются непосредственно и часть сельской миграции, и подавляющее

Таблица 12. Городские агломерации с населением 10 млн человек и более в 1950, 1975 и 2000 гг.

1950			1975			2000		
		млн чел.			млн чел.			млн чел.
1	Нью-Йорк – Ньюарк	12,3	1	Токио	26,6	1	Токио	34,4
2	Токио	11,3	2	Нью-Йорк – Ньюарк	15,9	2	Мехико	18,1
		3		Мехико	10,7	3	Нью-Йорк – Ньюарк	17,8
					4		Сан-Паулу	17,1
					5		Мумбаи	16,1
					6		Шанхай	13,2
					7		Калькутта	13,1
					8		Дели	12,4
					9		Буэнос-Айрес	11,8
					10		Лос-Анджелес – Лонг-Бич – Санта-Ана	11,8
					11		Осака – Кобе	11,2
					12		Джакарта	11,1
					13		Рио-де-Жанейро	10,8
					14		Каир	10,4
					15		Дакка	10,2
					16		Москва	10,1
					17		Карачи	10,0
					18		Манила	10,0

Источник: [15].

большинство международных иммигрантов. Не удивительно, что последняя четверть XX в. ознаменовалась небывалым ростом городских агломераций. В середине века в мире было всего 2 агломерации с населением свыше 10 млн человек, к концу века их число увеличилось до 18, а к 2015 г. – до 29 (Табл. 12). Всего же в агломерациях с числом жителей 1 млн и более в 2015 г. было сосредоточено свыше 1,6 млрд человек, или около 41% городского населения мира.

Опираясь, в основном, на национальные критерии, ООН последовательность из пяти крупнейших по численности населения в 2015 г. агломераций мира представляет следующим образом:

1) Токио (Япония) – 38,0 млн человек. Самая большая не только по численности населения, но и по площади застроенной городской территории (8,5 тыс. кв. км.) агломерация в первой пятерке. Характерной чертой является продолжение роста численности населения вплоть до 2019 г. (38,3 млн чел.), с 2020 г. предполагается ее сокращение (до 37,2 млн в 2030 г.);

2) Дели (Индия) – 25,7 млн человек. Площадь застроенной городской территории – 2,1 тыс. кв. км. Самая быстрорастущая агломерация в первой пятерке: при сохраняющихся среднегодовых темпах прироста населения (2,28% в 2015–2030 гг.) в 2032 г. выйдет на первое место в мире по численности населения, прервав 78-летнюю гегемонию Токио;

3) Шанхай (Китай) – 23,7 млн человек. Площадь застроенной городской территории – 3,8 тыс. кв. км. Самые низкие (не считая Токио) среднегодовые темпы прироста населения в первой пятерки агломераций (1,74% в 2015–2030 гг.). К 2030 г. сохранит третье место в этом списке (30,8 млн человек);

4) Сан-Паулу (Бразилия) – 21,1 млн человек. Площадь застроенной городской территории – 2,7 тыс. кв. км. Единственная агломерация пятерки крупнейших, расположенная не в Азии. Крупнейшая агломерация западного полушария.

5) Мумбаи (Индия) – 21,0 млн человек. Наименьшая по площади застроенной городской части (546 кв. км.) агломерация среди пяти крупнейших. В 2030 г. будет занимать четвертое место в списке (27,8 млн).

Таким образом, урбанизация в своей «крупногородской» части все более приобретает азиатское лицо. Если в 1960 г. в списке пяти крупнейших по численности населения агломераций присутствовала лишь одна азиатская, то в 1965 г. – уже две. Для взятия следующего рубежа Азии потребовалось почти полвека: лишь в 2010 г. три из пяти крупнейших агломераций располагались в этой части света. Но далее Азию уже не остановить: в 2015 г. лишь одна агломерация среди пяти – неазиатская, а к 2020 г., по прогнозам, таковых не останется вовсе.

Хотя внутренние миграции, сопряженные с урбанизацией, носят в основном добровольный характер, стремительный исход сельского населения в города – далеко не безболезненный процесс. Он порождает огромные массы людей, вчерашних крестьян, которым предстоит интегрироваться в отличный от сельского, городской социум, освоить мало знакомую им городскую культуру, что невозможно сделать мгновенно. В условиях характерной для XX в. ускоренной урбанизации это приводило к появлению в городах многочисленных маргинальных, полусельских-полугородских слоев, что служило источником разного рода социальных напряжений и имело немалые социальные и политические последствия.

Как и в случае с международными миграциями, в XX в., наряду с добровольными миграциями, обусловленными урбанизацией и связанными с нею экономическими и социальными процессами, было немало и вынужденных, в том числе и насильственных миграций, определявшихся совершенно другими факторами.

Типичный пример вынужденных, хотя, как правило, ненасильственных внутренних миграций, получивших большой размах в XX в. – эвакуация населения из районов военных действий или стихийных бедствий. По-видимому, самой крупномасштабной в XX в. была эвакуация населения западных районов СССР во время Второй мировой войны – из районов, затронутых военными действиями и оккупацией было вывезено около 17 млн человек, которые впоследствии в основном возвратились на свои прежние места проживания.

В XX в. появилась такая новая причина массовых эвакуаций, как техногенные катастрофы. Одной из них стала авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г., после которой было эвакуировано 116 тысяч человек из 188 населенных пунктов. Уже за пределами XX в., в 2011 г., вследствие землетрясения и последовавшего за ним цунами произошла крупнейшая радиационная авария на атомной электростанции Фукусима-1 в Японии, следствием этой объединенной стихийной и техногенной катастрофы стала эвакуация в течение последующих 10–12 дней более 320 тыс. человек.

Еще одна категория внутренних вынужденных мигрантов, имеющих нечто общее с эвакуированными, – «внутренне перемещенные лица». К этой категории относятся люди или группы людей, вынужденные по тем или иным причинам оставить места своего постоянного проживания, но не покидающие пределов своего государства. В конце XX в. число внутренне перемещенных лиц стало быстро расти, опережая число беженцев. Еще в 1982 г. в мире было учтено 1,2 млн внутренне перемещенных лиц в 11 странах, на 9 беженцев приходилось 1 внутренне перемещенное лицо [19]. В 1999 г., по оценкам, в мире было примерно 20–25 млн внутренне перемещенных лиц, вынужденных покинуть свои дома в результате конфликтов и нарушений прав человека в 40 странах. Более половины внутренне перемещенных лиц приходилось на Африку, но они были также в Европе, Азии и Латинской Америке [8].

К числу вынужденных насильственных внутренних миграций относятся депортации в пределах своей страны крупных масс людей, выделенных по каким-либо социальным или этническим признакам. Такими были, в частности, депортации (интернирование) представителей считавшихся неблагонадежными этнических групп из приграничных зон накануне или после начала военных действий. Примерами могут служить депортации во время Первой мировой войны во внутренние губернии Российской Империи живших вблизи западной границы немцев, австрийцев, венгров, поляков, евреев или интернирование во время Второй мировой войны японцев, живших на западном побережье США и Канады.

Но наибольших масштабов в XX в. достигли насильственные репрессивные депортации. К ним, в частности, относятся депортации, остававшиеся неизменной частью внутренней политики Советской власти со времен Гражданской войны до смерти Сталина в 1953 г. За этот период, по оценке П. Поляна, насчитывается «53 сквозных депортационных кампаний и около 130 операций» разных масштабов, начиная с депортации казаков из Причеркаевья в 1920 и кулаков-казаков из Семиречья в 1921 г. и кончая депортациями представителей «неправильных» религиозных вер – «иннокентьевцев» и ад-

вентистов-реформаторов в 1952 г. [11]. Разумеется, эти кампании имели разные масштабы, но некоторые из них были массовыми, порождавшими огромные миграционные потоки. Такими, в частности, была «кулацкая ссылка», в ходе которой примерно за 10 лет (1930–1940) было депортировано более 3 млн «кулаков», «бывших кулаков» и членов их семей, а также депортация «репрессированных народов» – 950 тысяч немцев, выселенных из европейской части СССР; 576 тысяч коренных жителей Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других); 228 тысяч крымских татар, а вместе с ними и других жителей Крыма: греков, болгар, армян; 91 тысяча калмыков; 95 тысяч живших в Грузии турок-месхетинцев, курдов и хемшилов (хемшинов); 45 тысяч ингерманландцев и финнов – всего не менее 2,1 млн человек. В целом же число советских граждан, затронутых внутренними депортациями, согласно П. Поляну, превысило 6 млн [10].

Демографические катастрофы XX века

За всю историю своего существования человечество пережило не одну демографическую катастрофу – все они знаменовались огромными подъемами смертности вследствие стихийных бедствий, эпидемий и войн. Не стал исключением и XX век.

Главными катастрофами XX в. стали две мировые войны, приведшие к огромным людским потерям. Точные оценки этих потерь по многим причинам затруднительны, в литературе до сих пор ведутся споры по поводу этих оценок, но общий порядок величин все же ясен. Приведем некоторые цифры по данным справочника «Потери народонаселения в XX веке» [12], как правило, они более или менее соответствуют данным, приводимым в других источниках.

Первая мировая война длилась с 28 июля 1914 по 11 ноября 1918 г., в ней в той или иной степени участвовали 30 стран. Общее число погибших оценивается примерно в 12,5 млн, 70% из них – участники боевых действий, остальные – мирное население, пострадавшее от военных действий, голода и болезней. Две трети всех потерь пришлось на 4 страны: Россию, Францию, Германию и Австро-Венгрию. Во время войны, в 1918 г., разразилась пандемия гриппа («испанка»), которая унесла еще свыше 12 млн человек (в т.ч. 7 млн в Индии и 2 млн в России). Такая пандемия сама по себе представляет демографическую катастрофу, и она едва бы стала возможна в XX в., если бы мир не был охвачен войной.

Вторая мировая война оказалась намного более кровавой. Она продолжалась ровно 6 лет – с 1 сентября 1939 по 2 сентября 1945 г., в ней участвовало 62 государства (80% населения планеты). Считается, что эта война унесла жизни 65 млн человек [12], хотя встречаются и более низкие оценки – на уровне 50–55 млн [2, 14, 28, 32]. 40–50% всех мировых потерь пришлось на СССР. Соотношение потерь воевавшего и мирного населения было иным, чем в Перовую мировую войну: если тогда потери мирного населения составляли порядка 30% общих потерь, то во время Второй мировой войны – свыше 60%.

И Первая, и Вторая мировые войны привели к сокращению численности населения главных воевавших стран. Приведем данные по странам с наибольшим сокращением населения (Табл. 13).

Помимо прямых потерь в виде убитых, а также умерших от других причин, число которых во время войны резко увеличивается, есть еще и косвенные демографические потери, обусловленные ухудшением здоровья населения вследствие появления в его

Таблица 13. Численность населения некоторых европейских стран и её изменение за времена Первой и Второй мировых войн, тыс. чел.

	Первая мировая война			Вторая мировая война		
	1914	1920	Убыль	1940	1945	Убыль
Германия ¹	67900	62300	-5600	69900	65300 ²	-4600
Россия – СССР	169420 ³	137727	-31693 ⁴	192600 ⁵	170548 ⁶	-22052
<i>в том числе:</i>						
Белоруссия ⁷	6899	4360	-2539 ⁸	9050	6950	-2100
Россия	89900	88250	-1650	110100	99100	-11000
Украина ⁹	35200	26400	-8800 ¹⁰	41340	36100	-5240
Польша ¹¹	27520	27100	-420	31500	23700	-7800 ¹²
Франция ¹³	40200	39000	-1200 ¹⁴	41900	39800	-2100
Югославия	12500	12070	-430	15700	15200	-500

Источник: [12].

составе множества раненых, овдовением большого числа женщин из-за гибели их мужей, ухудшением половых пропорций и соответственно ситуации на брачном рынке, снижением в результате всего этого рождаемости и т.п.

К числу небывалых по масштабам демографических катастроф XX в. принадлежат также террористические репрессивные действия тоталитарных режимов, направленные против граждан своих стран независимо от их пола и возраста, выделенных по тому или иному социальному, политическому или этническому признаку, как правило, безоружных и неспособных оказать сопротивление. Американский исследователь Рудольф Руммель назвал все виды таких действий «демоцидом» [26].

Одна из разновидностей демоцида XX в. – геноцид, «визитной карточкой» которого стал Холокост – уничтожение нацистским режимом в самой Германии и в оккупированных странах 6 млн евреев. Это – несколько условная цифра, она упоминается в приговоре Нюрнбергского трибунала, однако полного списка погибших не существует. Попытки исследователей уточнить число жертв Холокоста приводят иногда к меньшим, иог-

¹ В границах указанного времени.

² В послевоенных границах, но с учетом 6–8 млн беженцев с отторгнутых территорий из стран Восточной Европы.

³ Данные 1913 г. в границах того времени (без Бухарского и Хивинского ханств)

⁴ С учетом отторгнутых территорий (население 30,7 млн человек) и присоединенных (4,3 млн) чистая убыль составила 5,3 млн человек.

⁵ С учетом присоединенных территорий (население в 1939 г. от 20 до 22 млн человек). Оценка завышена за счет завышения на 2–3 млн человек итогов переписи 1939 г.

⁶ Данные 1946 г. с учетом присоединенных территорий (1,2 млн человек).

⁷ В границах после 1939 г.

⁸ С учетом отошедших к Польше территорий.

⁹ В границах после 1939 г.

¹⁰ С учетом отошедших к Польше территорий.

¹¹ В современных границах.

¹² С учетом бежавших и выселенных немцев.

¹³ В современных границах.

¹⁴ С учетом присоединенных Эльзаса и Лотарингии (население 1,93 млн человек).

да к большим оценкам, но, как правило, они не слишком отличаются от 6 млн. Геноцид в нацистской Германии распространялся также на цыган.

Массовое уничтожение евреев нацистами было не первым случаем геноцида в XX в. Во время Первой мировой войны геноциду подверглись жившие в Турции армяне (их судьбу разделили также ассирийцы и понтийские греки). Как и в случае с геноцидом евреев в Германии, точное число погибших неизвестно, оценки колеблются от нескольких сот тысяч до 1,5 и даже до 2 млн. Еще один пример геноцида XX в. уже в самом его конце – геноцид народности тутси в Руанде, где в 1994 г. в течение 100 дней было убито от 0,5 до 1 млн человек.

Демоцид в Германии 1933–1945 гг. и в оккупированных ею странах не ограничивался геноцидом, в той или иной степени он распространялся на представителей сексуальных меньшинств, членов некоторых религиозных сект, франкмасонов, и конечно, на политических противников, военнопленных и угнанных в рабство. Он проявлялся не обязательно в прямом убийстве, но также и в доведении до смерти нечеловеческими условиями содержания в тюрьмах и лагерях, голodom и непосильным трудом, в отказе в медицинской помощи и т.п. Например, по данным Гражданской комиссии учета жертв злодеяний немцев на территории СССР, обобщенным вскоре после окончания Второй мировой войны, было убито и замучено 6,1 млн мирных граждан и 3,9 млн военнопленных – всего 10 млн человек [9]. Близкие цифры приводит и Эрлихман (9,7 млн). Всего же, по его данным, вследствие нацистского террора в Германии и оккупированных странах погибло (казнено и убито, нашло свою смерть в тюрьмах и лагерях, не выжило из числа угнанных на работу в Германию) 18,7 млн человек [12].

Огромное число людей стало жертвами тоталитарных режимов, позиционировавших себя как коммунистические или социалистические. В справочнике «Потери народонаселения в ХХ веке» общее число жертв «демоцида» в этих странах с 1917 г. до конца ХХ в. оценивается в 43,5 млн, из которых 28,8 млн приходится на Китай 1949–1999 гг., 10,1 млн на СССР 1917–1987 гг. [12]. Однако имеются и более высокие оценки. В «Черной книге коммунизма», например, говорится о почти 100 млн убитых, в т.ч. 65 млн в Китае и 20 млн в СССР [6].

Абсолютные числа погибших мало о чем говорят без соотнесения их с численностью населения страны и без учета длительности периода. И то, и другое попытался учесть Р. Руммель, составивший список 15 самых «смертоносных» по отношению к своему населению режимов ХХ в. На первом месте в этом списке стоит режим «красных кхмеров» в Камбодже в 1975–1979 гг., когда ежегодно уничтожалось 8,2% населения страны. За ним следуют Турция при Ататюрке (1919–1923) – 2,7% – и Хорватия при усташах, проводивших политику геноцида православных сербов, евреев и цыган (1941–1945) – 2,5%. Но по длительности периода, который Руммель рассматривает как период террора против собственного народа (1917–1987), первое место занимает СССР с годовым коэффициентом гибели населения вследствие демоцида 0,42% [26]. Трактовка всех 70 лет существования СССР как периода демоцида едва ли правомерна, его следовало бы сократить вдвое, но при этом вдвое увеличится коэффициент. Отметим, что в Китае, с его огромной численностью населения, несмотря на очень большое абсолютное число жертв демоцида, этот коэффициент значительно меньше, поэтому в число 15 стран, переживших в ХХ в. самые смертоносные политические режимы, он не попадает.

Демографические катастрофы ХХ в. по своим абсолютным масштабам превосходят все известные события такого рода в прошлом. Одно из самых страшных – знаменитая эпидемия чумы XIV в. «Черная смерть», последствия которой ощущались в истории Европы не одно столетие, – унесла не более 20–25 миллионов жизней. Число жертв демографических катастроф ХХ в. намного больше. Но по отношению к стремительно растущей, особенно с середины ХХ в., численности населения мира, их число не так уж велико. Негативные последствия этих катастроф – в первую очередь, не демографические (хотя, конечно, есть и они), на первый план выходит их социальное и гуманитарное содержание. ХХ век стал временем установления небывало эффективного контроля над факторами смертности, поэтому каждый катастрофический всплеск смертности – это вызов Человечеству, угроза его главным достижениям, его извечному поступательному движению. Сможет ли Человечество принять этот вызов и навсегда избавить себя от демографических катастроф? На этот вопрос должен ответить наступивший ХХI век.

Литература

1. Аннан К. О пользе миграции // «Tageszeitung». 29.01.2004. <http://demoscope.ru/weekly/2004/0145/gazeta012.php>
2. Арнтиц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 593–604.
3. В ООН назвали число беженцев в мире // ДНИ.РУ. Интернет-газета. 18.10.2015. <http://www.dni.ru/society/2015/10/18/317961.html>
4. Всемирный Банк. Миграция и денежные переводы: цифры и факты. 2011. Издание 2-е. http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1110315015165/Factbook_2011_Russian.pdf
5. Горюхов С.А., Дмитриев Р.В. Население Индии растет рекордными темпами // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 11–15.
6. Куртуа С., Верг Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартешек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Пер. с французского. М., 1999.
7. Народонаселение стран мира. Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланица. М.: Статистика, 1978. 528 с.
8. Положение беженцев в мире. Пятьдесят лет гуманитарной деятельности. УВКБ ООН. М.: «Интердиалект+», 2000. 362 с.
9. Полян П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 894 с.
10. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001. 328 с.
11. Полян П. У истоков советской депортационной политики: выселения белых казаков и крупных землевладельцев (1918–1925) – <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm>
12. Эрлихман В. Потери народонаселения в ХХ веке. Справочник. М.: Издательский дом «Русская панорама», 2004. 176 с.
13. Chesnais J.-C. La transition démographique. Étapes, formes, implications économiques. Étude de séries temporelles (1720–1984) relatives à 67 pays / Institut national d'études démographiques. Travaux et documents. Cahier no 113. Presses universitaires de France. 1986. Pp. 543–546.
14. Delmas J. Une hétacombe humaine // L'état du monde en 1945. Paris, 1994. P. 45.
15. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Urbanization Prospects. The 2005 Revision. Executive Summary. Fact Sheets. Data Tables.
16. Eurostat – <http://ec.europa.eu/eurostat>
17. India Census. Appendix SRS Based Life Table – http://www.censusindia.gov.in/vital_statistics/Appendix_SRS_Based_Life_Table.html

18. India Census. SRS Based Abridged Life Tables 2003–07 to 2006–10 – http://www.censusindia.gov.in/vital_statistics/SRS_Based/SRS_Based.html
19. Kiessling A. The internally displaced in International law – do they require enhanced protection? Univ. of Cape Town, 2006.
20. Kuczynsky R. The measurement of population growth. N.Y. – London – Paris, 1969. P. 213.
21. McKeown A. Global Migration, 1846–1940 // Journal of World History. 2004. Vol. 15. N 2. Pp. 159–189.
22. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Migration and development brief 24, April 13, 2015 – <http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1288990760745/MigrationandDevelopmentBrief24.pdf>
23. Mukhopadhyay B.K., Majumdar P.K. Status of Gender – Differentials and Trends in India Population, Health, Education and Employment – <http://www.isical.ac.in/>
24. Patterns of urban and rural population growth. Population studies. N 68. NY: UN, 1980.
25. Preston S.H., Keyfitz N., Schoen R. Causes of Death: Life Tables for National Population. New York: Seminar Press, Inc. 1972.
26. Rummel R.J. Death by government. New Brunswick: Transaction Publishers, 1994.
27. SCB STATISTICS SWEDEN. Population Statistics – http://www.scb.se/en/_Finding-statistics/Statistics-by-subject-area/Population/Population-composition/Population-statistics/
28. Sivard R. L. World Military and Social Expenditures. 14th edition. Washington, 1991. P. 22–25.
29. The future population of India: A long-range demographic view. New Delhi: Population Foundation of India, 2007. 20 p.
30. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition.
31. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects, the 2015 Revision, DVD Edition.
32. Uralanis B. Guerres et population. Moscou, 1972. P. 321.
33. World Population Prospects. The 1996 Revision. UN NY, 1998, ST/ESA/Ser. A/167. P. 12.
34. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. 1971. N 61. Pp. 219–249.
35. Zlotnik H. Migration to and from Developing Regions: A Review of Past Trends // The Future Population of the World. What Can We Assume Today? / Lutz Wolfgang, ed. London: IIASA, Earthscan, 1996. P. 314.